

Круто разворачивался в море
Иностранный беглый пароход...

И тогда в калитку с львиной пастью,
Как в свои владения, вошли
Мастера борьбы, работы, счастья, —
Главные хозяева земли!

И они заметили фигуры
Белых статуй в княжьем цветнике,
И они увидели амуров
На лепном тяжелом потолке.

И амурь губы раскрывали
Под теплом их творческой руки,
И цветы, казалось, узнавали
Тех, кто разбивали цветники.

И они отведали, как надо,
Винограда золотых кровей,
И над ними в кущах винограда
Радостно зацелкал соловей.

И фонтан шептал им неустанно:
«Отдыхай, работай и борись!»
И стоял над радужным фонтаном
Вековой рогатый кипарис.

1937

ХРИСТОС И ЛИТЕЙЩИК

Ходит мастер Грачев
Между ломом наполненных бочек,
Закипает вагранка
И вязкая шихта густа.
Растворяются двери,
И выстро чернорабочих
На тяжелой тележке
В литейку привозят христа.
Он лежит как бревно.
Перед гулкой сердитой вагранкой,
Притаившись, молчит,
Как баран под ножом на торгу.
На челе его — венчик.
На впалой груди его — ранка.
И Грачев молотком
Ударяет в зеленый чугунок:

— Ты мне адом грозил,
Жизнь и труд у меня отбирая,
Ты мне рай обещал
За терпенье мое на земле,
Я не верю в тебя.
Мне не нужно ни ада, ни рая.
Собирайся, обманщик,
Ты сам побываешь в котле!
Хочешь ты или нет, —
Ты нас выручишь, идол грошовый

Ты нам дашь свое тело, —
Густой и тягучий металл.
Переплавив тебя,
Мы в вагонах чугуновой дешевой,
Облегченной деталью
Заменим цветную деталь.
Те. с тележкой, ждут.
И Грачев говорит: — Унесите! —
Рельсы глухо звенят,
И вагранка бурлит горячо.
— Не греши, человек! —
Лицемерно взывает спаситель.
— Я сварю тебя, боже! —
Ему отвечает Грачев.
И чугунового бога
К вагранке несут, приседая,
И, смеясь, погружают
В горячий кисель чугуна.
Он скрывается весь,
Лишь рука миродержца худая,
Сложена для креста,
Из вагранки вылазит одна.
Он вздымал эту руку
С перстом, заостренным и тонким,
Проповедуя нищим
Смиренье в печали земной,
Над беременной бабой,
Над чахлым цынготным ребенком,
Над еврейским погромом,
Над виселицей, над войной.

Мастер ходит вокруг,
Подсыпая песок понемногу,
Мастер пену снимает,

И рыжая пена редка.
— Убери твою руку! —
Грачев обращается к богу,
А вагранка бурлит,
И она исчезает, рука...

Исчезает навеки!
С размаху по лживому богу
Человек тяжело
Ударяет железным багром,
Чтоб с Христом заодно
Навсегда позабыли дорогу
В нашу чистую землю
И виселица, и погром!

Тонет в грохоте Швеллерный,
Сборка стрекочет и свищет,
Гидравлический ухаёт,
Кузня разводит пары.
Это дышит Индустрия,
Это Вагонный в Мытищах,
Напрягаясь, гудит,
Ликвидируя долгий прорыв.

Я люблю этот гул;
Я привык к механическим бурям,
Я на камень сажусь
Меж набитых землею опок.
И подходит Грачев.
И Грачев предлагает: — Закурим... —

Что ж, товарищ, закурим,
Покуда он варится, — бог.

1933

КРЫМ

Старинный друг, поговорим,
Старинный друг, ты помнишь Крым?
Вообразим, что мы сидим
Под буком темным и густым.
Медуз и крабов на мели
Босые школьники нашли,
За волнорезами слегли
В глубоком штиле корабли.
А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос
И быстрым языком волны
Облизывает валуны.
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу,
Как две зеленые свечи
В сандалом пахнущей ночи.
Ты закурил и говоришь:
— Как пахнет ночь! Какая тишь!
Я тут уже однажды был,
Но край, который я любил,
Но Крым, который так мне мил,
Я трехдюймовками громил.
Тогда, в двадцатом, тут кругом
Нам каждый камень был врагом,
И каждый дом, и каждый куст...
Какая перемена чувств!

Ведь я теперь на берегу
Окурка видеть не могу,
Я веточке не дам упасть,
Я камешка не дам украсть.
Не потому ль, что вся земля —
От Крыма и до стен Кремля,
Вся до последнего ручья —
Теперь ничья, теперь моя?
Пусть в ливадийских розах есть
Кровь тех, кто не успел расцвести,
Пусть наливает виноград
Та жизнь, что двадцать лет назад
Пришла, чтоб в эту землю лечь, —
Клянусь, что праздник стоит свеч!
Смотри! Сюда со связкой нот
В пижаме шелковой идет
И поднимает скрипку тот,
Кто грыз подсолнух у ворот.
Тропинкой, города правей,
В чадры укрыты до бровей,
Уже татарки не идут:
Они играют в теннис тут.
Легки, круглы и горячи,
Летят над сеткою мячи,
Их отбивают москвичи —
Парашютистки и врачи...
Наш летний отдых весел, но,
Играя в мяч, идя в кино,
На утлом ялике гребя,
Борясь, работая, любя, —
Как трудно дался этот край
Не забывай, не забывай!..
Ты смолк. В потемках наших глаз
Звезда крылатая зажглась,

А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос,
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу,
Нам светят, будто две свечи,
В сандалом пахнувшей ночи...
Тогда мы выпили до дна
Бокал мускатного вина,
Бокал за родину свою,
За счастье жить в таком краю,
За то, что Кремль, за то, что Крым
Мы никому не отдадим.

1935

ДОБРО

Потерт сыромятный его тулуп,
Ушастая шапка его, как склеп,
Он вытер слюну с шепелявых губ
И шопотом попросил на хлеб.

С пути сучковатой клюкой нужда
Не сразу спихнула его, поди:
Широкая медная борода
Иконой лежит на его груди!

Уже замедляя шаги на миг,
В пальто я нащупывал серебро:
Недаром премудрость церковных книг
Учила меня сотворять добро.

Но вдруг я подумал: к чему он тут,
И бабы ему медяки дают
В рабочей стране, где станок и плуг,
Томясь, ожидают умелых рук?

Тогда я почуял, что это — враг,
Навел на него в упор очки,
Поймал его взгляд и увидел, как
Хитро шевельнулись его зрачки.

Мутна голубень беспокойных глаз
И, тягостный, лицемерен вздох!

Купчина, державший мучной лабаз?
Кулак, подпаливший колхозный стог?

Бродя по Москве он от злобы слеп,
Ленивый и яростный паразит,
Он клянчит пятак у меня на хлеб,
А хлебным вином от него разит!

Такому не жалко ни мук, ни слез,
Он спящего ахает колуном,
Живого закапывает в навоз,
И рот набивает ему зерном.

Хитрец изворотливый и скупой,
Он купит за рубль, а продаст за пять.
Он смазчиком проползет в депо,
И буксы вагонов начнут пылать.

И если по грошику наскоблив,
Он выживет, этот рыжий лис, —
Рокочущий поезд моей земли
Придет с опозданием в социализм

Я холодно опустил в карман
Зажатую горсточку серебра
И в льющийся меж фонарей туман
Направился, не сотворив добра.

1933

КИТАЙСКАЯ ЛЮБОВЬ

Полезно заметить,
Что с Фый Сянь-Ку
Маруська сошлась, катаясь.
Маруська пошла
На Москва-реку,
И к ней подошел китаец.
 Китаец был желт
 И черноволос,
 Сказал ей, что служит в тресте.
 Хоть он и скуласт
 И чуточку кос,
 А сели кататься вместе.
Он выпалил сотню
Любовных слов,
Она ему отвечала.
Итак, китайская эта любовь
Имеет свое начало.
 Китаец влюбился,
 Как я, как все...
 В Таганке жила Маруська.
 Китаец пришел к ней.
 Ее сосед
 На нехриста пса науськал.
Просвирни судачили из угла:
— Гляди-ка! С кем она знается! —
И Марья Ивановна предрекла: